

Смысл жизни ученого — в создании нового

***С.С. Сулакишин, доктор физико-математических наук,
доктор политических наук***

Мне очень нравится сегодняшний семинар, потому что он, кроме, собственно говоря, поставленной темы, обнажил и отчасти дает ответы на очень важные вопросы научной методологии. Ход дискуссии высветил несколько ключевых вызовов, которые очень важны для постижения. Начну с забавной позиции.

Наука (настоящая) — она тогда наука, когда выдает нечто, о чем никто не читал ни в одном словаре, ни у одного классика. Это — новое! Оно впервые получено! Мы не имеем права лишать себя возможности получать *новый научный продукт*. Цель семинара и наших бурных дебатов состоит именно в этом. Я, например, счастлив, когда некий результат работы нашего коллектива или

тех, кто выступает здесь, вызывает недоуменный вопрос: «А где про это прочитать? Мы нигде об этом не читали и нигде этого не видели!». То, что представлено, доказано с использованием критериев истины, научных методологических критериев, и при этом никто об этом не читал — это самое ценное, что вообще можно себе вообразить в науке. В этом и есть смысл жизни ученого — создание нового. А в справочники, словари и учебники для студентов первого курса это новое, несомненно, попадет через месяц, год, через десять лет, когда полученные новые результаты будут обсуждены научным сообществом, будут перепроверены другими независимыми исследовательскими группами, будут общеприняты в научном обороте как достоверные результаты. Конечно, это попадет во все учебные анналы.

А если об «этом» можно прочитать в учебнике, то зачем на научном семинаре о таком говорить? Это предмет лекций для студентов, не более.

Огромный вызов заключается в вопросе, насколько природа понятий категорий добра и зла релятивистская или, напротив, насколько она абсолютистская? Мне кажется, что на сегодня я получил подтверждение тому, что это абсолютная позиция. Даже оппоненты этой точки зрения невольно подтверждают ее, потому что именно ими сегодня сказано: «понятия добра и зла не универсальны, но *они космополитичны, они обязательны для всех*». Хотя и противоречиво, но это и есть позиция абсолютности! Всего полшага к тому, чтобы сказать, что они еще и *всегда* обязательны. Это, по логической связке, так и вытекает.

Абсолютизм понятия заключается, во-первых, в неизменности критериев отнесения добра и зла к чему-то. О критерии нужно говорить в обязательном порядке. Во-вторых, он возникает при видении вопроса из некой точки отсчета в универсуме.

Поясню свою мысль. Я имею в виду самый большой, гамбургский счет, потому что вызов заключается вот в чем. Кажущаяся относительность категории добра и зла нас обманывает потому, что ее проявления и воплощения в жизни очень множественны и сложны.

Приведу иллюстрацию. Убить человека, это почти бесспорно, зло. А убить злодея, который собирается убить 10 человек? Это

уже что? А если убить злодея, который собирается убить злодея, который собирается убить 10 человек? Убить человека в подворотне или убить человека — врага своего — на фронте, исполняя свой долг? Нет нужды развивать эту понятную мысль. Приведенная иллюстрация показывает, что в каждой конкретной ситуации, когда трудно определить, добро это или зло, если подняться на некую высоту в универсуме — всегда, пользуясь неизменным критерием, *всегда* можно отнести конкретное проявление к добру или злу.

В дискуссии совершенно справедливо говорилось, что смысловая конструкция не выстраивается, если нет цели, отталкиваясь от которой вырабатываются критерии. Только тогда становятся возможными и оценки. В целом ряде работ нашего Центра, в публикациях — пока еще, правда, препринтных, — в сборниках трудов, в первом томе шеститомника «Национальная идея России» это более или менее системно изложено.

Каков системный критерий добра и зла? В дискуссии обнаружился такой подход: добро — это то, что тяготеет в человеческой деятельности к «образу и подобию», если употребить религиозную формулу, которая сконцентрировала в себе мудрость поисков древних и наших предков. Нельзя априори относиться к этому, как к не истине. По крайней мере, в этом случае надо доказать, что это не истина.

Я задаю вопрос относительно понятия «по образу и подобию»: а в чем заключается образ? Образ чего? Какой он? Можно сказать «квадратный и белый», и это будет образ. А в данном случае, как он выглядит — этот образ? Давайте его выпишем. Эта попытка и была предпринята в докладе Сафоновой. Но тут есть проблема соотношения языков описания. С одной стороны, аллегорического и беллетристического, с другой — научного. Именно эту трудность при определении критерия добра и зла необходимо преодолеть. Приведу пример подобной трудности.

Известно, и широко известно, следующее выражение: «Бог есть любовь». С точки зрения научного словаря, это семантически неправильно построенная фраза. Она бессмысленна. Она употребима для лирической поэзии, для искусства, для разговорного жанра. Но, не сказав, что есть Бог, сказать, что он есть любовь... Любовь — это чувство, любовь — это процесс, еще что-нибудь.

Получается, что Бог есть чувство? Бог есть процесс? Конечно, нет. Поэтому научный язык, методология определения того, что есть «образ и подобие» требует довольно строгого подхода. Этот подход и был предложен в работе Центра. Мы его условно называем «реостатный». Предложено 12 мерных шкал, характеризующих помыслы, действия и результат. Меру методологически дают социологические замеры и количественные экспертные оценки (рис. 1).

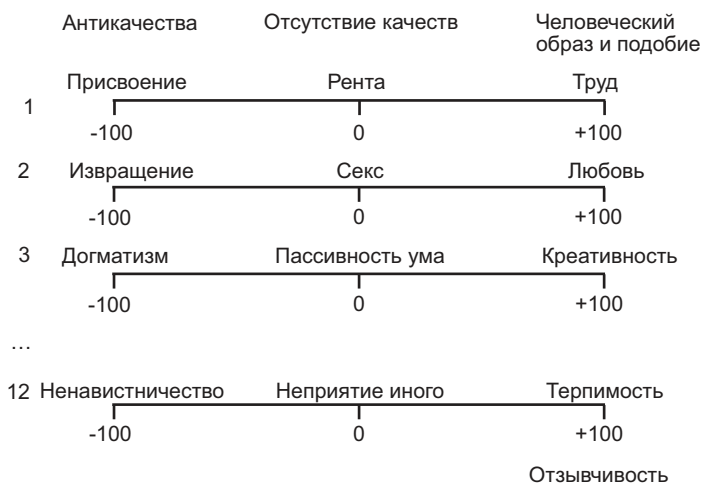

Рис. 1. Пространство характеристик человеческих мнений, намерений, действий и их результатов

Справа — «образ и подобие». 12 характеристик в правом окончании шкал образуют идеальную картину, идеальный образ того, к чему человек может приблизиться или от чего уйти. Причем цель этого движения (еще один посыл логико-философской модели) лежит в основании всей понятийной конструкции добра и зла.

Цель живого — это «быть», в биологической природе — просто «быть». А в социальной природе — быть человеком. Каким? Именно здесь категориальный (сущностный) человек апеллирует к некоторому образу. К какому именно образу стремиться? Человек воплощает себя в действительности тогда, когда он имеет мнение, мировоззрение, сосредоточенное пока внутри него, когда мнение

преобразуется в намерение, которое преобразуется в действие, ведущее к результату. Все это фиксируется, это можно оценивать. Поэтому, когда мы говорим об абсолютизации категорий добра и зла, о поиске абсолютного критерия, то определение, которое было дано для добра и зла, — это именно оценка, характеристика. Добро и зло — это не факт, не явление, не процесс, не результат. Это *оценка* мнений, намерений, действий и результата. Добро и зло субъектны. Без человека (его мнений, намерений, действий и результата) понятия добра и зла исчезают.

Самое главное определение. Добро — все, что делает человека человеком. Зло — то, что удаляет его от человеческого состояния. И это можно измерять и оценивать. Все что движет на рис. 1 человека вправо — добро. Все что движет влево — зло.

Что это за шкалы? Здесь введена методологическая синтетическая и синтезирующая новация, взятая из точных наук. Это на самом деле спектр состояний. Политологи знают, что такое политический спектр. Мы пошли дальше и ввели понятие количественного спектра, ровно так же, как в физике есть частотный спектр или спектр энергий. Мы предложили, и это уже применяется на практике, социологический способ количественной градации такого рода распределений оценок. Возникает даже аналог частоты. Частота — это как бы ценностно-оценочные, позиционирующие человека в политическом пространстве позиции. «Правые» и «левые» в политическом спектре, а в ценностном пространстве это то, что показано на рис. 1. Здесь справа любовь, в центре секс, а слева — извращения. Здесь труд, здесь рента, а здесь — разбой, паразитизм. Термины на самом деле с большим трудом находятся. Критический укол докладчику в дискуссии по части классификации ценностей я разделяю, потому что это еще не до конца проработано. Юлия Александровна дала свою версию, которую еще нужно совершенствовать. Но сам принцип заключается в том, что становится возможным увидеть, где находится человек или сообщество, или государство истинно человеческое. Оценка мнений, намерений, действий, результатов, по которым мы вообще судим о чем-нибудь, которая показывает, что человек движется вправо, позволяет говорить: осуществляется акт добра. Если эта же оценка свидетельствует, что человек или сообщество движутся влево, то это означает — осуществляется акт зла.

Проведение мозговых штурмов показало, что предложенный абсолютный критерий покрывает все жизненные ситуации, что он универсален.

Можно ли заявить о том, что биологический человек — это вечная сущностная назначенность человека? Нет, и это еще одна наша логико-философская позиция, которая заключается в том, что человек эволюционирует (рис. 2). Когда-то человек не существовал, не существовало его социальных, кооперативных качеств, не существовало биологических качеств. В какой-то момент возникли биологические качества, и проточеловек, биопротедеча начал развиваться.

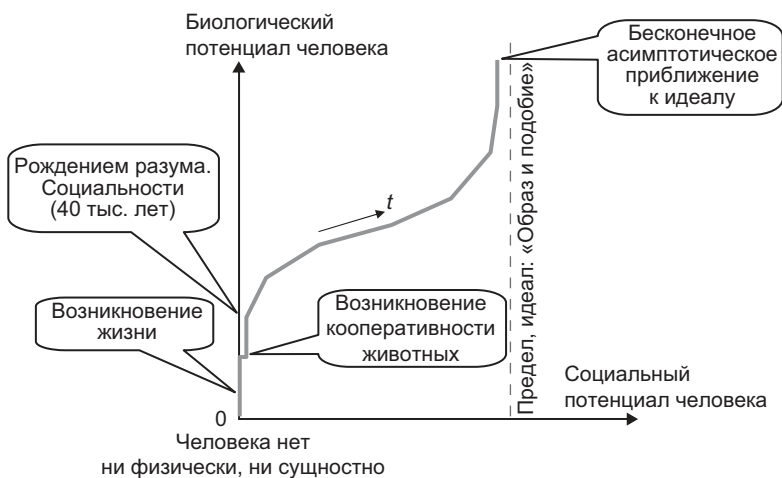

Рис. 2. Пространство потенциалов биосоциальной мегаэволюции человека

Указан параметр времени, направленный вдоль кривой. Возникли протосоциальные формы поведения — рой, стая, парность, «лебединая любовь». В какой-то момент возникло то, что еще на материалистическом языке не очень понято, объяснено — разум, или одушевленность, или сознание. Пошла резко ускоренная эволюция социальной меры. Но если мы говорим, что существует предел, идеал, к которому человек будет стремиться асимптотически,

никогда его не достигая, потому что это идеал, то это прежде всего отличительное свойство человека категориального (сущностного). Человек сущностный — идеален. Вертикальная асимптота никогда не будет перейдена, потому что именно это «образ и подобие». В религии говорится о преображении, когда человек придет к этому состоянию. Как он может к нему придти? Понятно, что он может асимптотически к этому пределу приближаться, но это ведь требует чего? Того, что у него будет парадоксальным образом ускоряться биологическая эволюция. Но нет другого предположения, кроме того, что это будет инверсная эволюция. Человек будет освобождаться от своей биоконструкции. Он уже сейчас научился заменять органы. Материальную, физическую, химическую, в килограммах и кубических дециметрах измеряемую биологическую основу он когда-нибудь отбросит. Но он же не исчезнет как человек! Он останется человеком категориальным, сущностным, который будет приближаться к идеалу. Поэтому, когда мы пришли к мысли, что человек категориальный — он справа на шкале рис. 1, человек биологический (Юлия Александровна назвала это биологическим злом) — он в центре на шкале рис. 1, то получается, что социальное зло отбрасывает человека в крайнее левое, античеловеческое состояние. Это, конечно, аномалия. Из логики этого мысленного эксперимента вытекают очень важные выводы, с точностью до логической конструкции, которая основывается на аксиоматике, в частности, аксиоматике определений.

Вывод такой: человечество будет прогрессировать неостановимо. Ничто не указывает на то, что люди вновь превратятся в животное стадо. Попытки сдвигать человечество к нему — контрдвижение. Все, что есть контрдвижение человека от человека категориального, — это есть зло. Вот в такой постановке, с учетом того, что до деталей сам словарь еще не доработан, и предлагался сегодняшний второй доклад.

Последнее и самое важное. Из этой фундаментальной теоретико-методологической картины вытекают абсолютные, конкретные, актуальные (вот еще одно требование к настоящей науке — она должна быть практически применимой по своим рекомендациям, результатам и должна быть полезной) конструктивы создания социальных оболочек и государства, как государства нравственного.

Это не беллетристика, а вполне операционализируемый на правовом, конституционном языке подход к строительству современной России, но не либеральной, сегодняшней, а постлиберальной. В государстве, в стране должны быть институты воспитания, социализации, пропаганды, образования, выстроенные на принципе добра и зла, а не на обратном — не на телепередаче «Дом-2» и возвеличивании светской львицы или хулиганов, или еще кого-нибудь. Должны быть контроль, надзор и нравственная цензура, которые в информационных потоках позволяют осуществить сдвиг человека и общества вправо, и предотвращают движение влево. Практическая проекция представленного в Центре подхода разработана достаточно детально.